

Схема организации Южного соединения.

Как сложились эти тылы?

Осенью 1943 года, когда каратели особенно усилили свою деятельность, беспощадно расстреливая и вешая мирных жителей за малейшую помощь партизанам, к нам в лес стали прибывать ходоки от расположенных близ леса деревень. «Что делать? — спрашивали они. — Каратели грозятся спалить наши деревни, самих нас эвакуировать в степь, а молодых — на работы в Германию».

— Приходите к нам, — отвечали мы ходокам. — Все мужчины, способные носить оружие, будут зачислены в партизанские отряды, а стариков, женщин и детей мы сумеем защитить. Приносите с собой все необходимое для жизни в лесу. Сами видите, зима надвигается. В деревнях не оставайтесь ни в коем случае. Будут большие бои, немцы сожгут или разбомбят все прилесные села.

Наши партизанские пропагандисты и агитаторы про-

вели среди населения большую разъяснительную работу. И вот в лес под защиту партизан двинулись подводы с имуществом и продовольствием, пошли люди — тысячи людей. Полностью вышли в лес жители 14-ти прилесных деревень, таких, как Саблы, Бодрак, Тавель, Бия-Сала и др. Все мужчины призывного возраста были зачислены в ряды партизан, были созданы новые и пополнены старые отряды. Так возникло 14 отрядов. Их командирами стали опытные партизаны, отлично зарекомендовавшие себя в борьбе с врагом: Гордиенко, Дементьев, Гвоздев, Грузинов.

Старики, женщины и дети были собраны в специальные гражданские лагеря. Их в нашем соединении было около десяти. Каждый отряд был прикреплен к определенному гражданскому лагерю, полностью отвечал за жизнь населения, за его снабжение, порядок в лагере и т. д. Люди привезли и принесли с собой много зерна, пригнали скот.

Перед нами встал вопрос: как наладить жизнь этих людей, чтобы они не мешали нашей боевой деятельности, не сковывали нас, а помогали нам, чтобы у нас, как и по всей стране, фронт и тыл составляли одно неразрывное целое.

С этой целью мы создали специальную службу тыла. Начальником тыла был назначен Михаил Митрофанович Шувалов, комиссаром — Бережной. У начальника тыла и его помощников было много дела. Зимой к нам каждую ночь прилетали 13—15 «дугласов», они сбрасывали нам оружие и боеприпасы. Нужно было собрать парашюты, забазировать вооружение в надежных местах, а затем доставлять его в отряды.

Одним из лучших гражданских лагерей по праву считался первый, где размещались колхозники из села Саблы и рабочие Альминского совхоза. Начальником этого лагеря первое время был Г. К. Рябошапко. С большой неохотой уходил он из разведки, но порядок в лагере навел образцовый.

На первых порах лагерь размещался в урочище Сараман. Оставлять его здесь было нельзя: на расстоянии 4—6 километров от урочища находятся села Саблы, Бодрак, Бешуй, Мангуш, и в лагерь в любое время могли нагрянуть каратели. Поэтому первой заботой Рябошапки было переселение женщин, детей и старииков в более безопасное место. Выбор пал на урочище Пиникер, на-

ходящееся в полутора-двух десятках километров от при-
лесных сел.

Самой трудной задачей было перебазирование ла-
геря. То и дело шли дожди вперемежку со снегопадами,
а среди лесных жителей были сотни детей и стариков,
которые не то что в лесу, а и по хорошей дороге не могли
передвигаться без посторонней помощи. И все-таки мед-
лить с переселением было нельзя.

19 декабря Рябошапко собрал сход.

— Как быть, — обратился он к народу, — оставаться
здесь нельзя — рядом с нами, в оставленных нами селах,
хозяйничают гитлеровцы и их прислужники. Надо ухо-
дить в глубь леса, но сможем ли мы сделать такой пе-
реход?

— Сможем, — раздались голоса. — Уж лучше пере-
мучиться один день в дороге, чем оставаться рядом с
этими извергами.

— А как ты думаешь, — спросил Рябошапко жену
своего односельчанина Гончаренко, мать троих детей. —
Сумеешь дойти до Пиникера со своими малышами?

— Обо мне не тревожься, — ответила она. — Обра-
таю свою буренку и повезу ребятишек во щеках. Корова
у меня сминая, не выдаст в беде.

— Что ж, раз такое дело, значит, готовимся в по-
ход, — заключил Рябошапко. — Завтра на рассвете вы-
ступаем.

Утром 20 декабря я встретил Рябошапко во главе
колонны на марше. Сердце сжалось от жалости, ко-
гда я смотрел на проходивших мимо меня людей. До сих
пор не могу забыть печальные лица женщин, плачущих
детей, согнувшихся под тяжестью непосильной ноши
стариков и подростков. Но особенно запомнились мне
две детские головки, выглядывающие из мешков, пере-
кинутых через хребтицу тощей коровенки...

Колонну замыкали несколько подвод, доверху нагру-
женных различным лагерным скарбом. Держась за них,
еле переставляя ноги, шли несколько стариков.

Словом, зрелище было нерадостное. Но иного выхода
не было, и волей-неволей приходилось мириться с этим
вынужденным переселением сотен людей.

В первый день колонна прошла не более семи кило-
метров и у подножия горы Мулга расположилась на поч-
лег, а на рассвете снова начался тяжелейший переход по
лесным чащобам и горным крутым.

Вечером 21 декабря выбившиеся из сил люди прибыли, наконец, в урочище Пиникер, а на следующий день здесь уже была настоящая лесная деревня: ровными рядами стояли десятки шалашей, вовсю полыхали костры, тут и там стучали топоры, визжали пилы — народ, не теряя времени, обживал свое новое лесное пристанище.

То же самое было и на Апсырте, где разместился второй лагерь. Его комендантом Г. К. Рябошапко назначил своего заместителя В. К. Легушу.

Через неделю жизнь населения лесных деревень вошла в нормальную колею. Начальник лагеря установил твердый распорядок, которому беспрекословно подчинились все, от мала до велика. День в лагере обычно начинался с политинформации и ознакомления со сводками Совинформбюро, которые доставлялись из штаба соединения. Затем начальник лагеря распределял трудоспособных на общелагерные работы, выделял наряд в распоряжение начальника тыла, направлял людей в отряд с хлебом и другими продуктами.

Любое поручение «председателя лесного сельсовета», как полушути-полусерьезно называли в лагере Г. К. Рябошапко, выполнялось на совесть, и начальнику лагеря никогда не приходилось разговаривать с людьми в тоне приказа. Лагерь жил как одна большая дружная семья, всех объединяло стремление внести хотя бы небольшую лепту в святое общеноародное дело борьбы против гитлеровских насилиников.

Со временем удалось хорошо наладить и обеспечить население продовольствием. Кроме тех продуктов, которые принесли в лагерь жители прилесных деревень, кое-какие запасы зерна, картофеля, сала, вяленого и соленого мяса большинство семей имело у себя дома. Все это было надежно спрятано в ямах и тайниках, сведения о которых лесные жители не таили в секрете от начальника лагеря. Он в любое время мог послать в деревню людей и подводы, чтобы взять необходимые продукты из «домашних баз». К слову говоря, за все шесть месяцев существования гражданских лагерей не было случая, чтобы кто-нибудь отказался отдать свои запасы в общий котел.

Продукты из «домашних баз» распределялись в лагере «по едокам». Исключение делалось только для хозяина «базы»: его семье выдавался лишний десяток килограммов зерна и мешок картофеля сверх установлен-

ной нормы. Однако очень многие отказывались и от этой привилегии.

Для помола зерна в лесных лагерях было устроено несколько примитивных мельниц. Делалось так: грузовую машину устанавливали на деревянный фундамент, на заднее колесо надевали ремень, включали мотор, и вращающееся колесо приводило в движение жернова. Использовали мы и водяную мельницу на реке Каче. Муку отправляли в партизанские пекарни, откуда снабжались хлебом и гражданские лагеря и боевые отряды.

Был в лагерях и свой скот: коровы, козы, овцы. О корме для животных заботились не только их хозяева, но и все жители лесных деревень. Молоко отдавалось детям и в госпиталь, мясо — на питание всего лагеря. В одной из землянок наши тыловики оборудовали коптильню и стали изготавливать колбасу. Совсем как на мясокомбинате в мирное время!

Из шкур животных выделяли кожу, а из неё в сапожных мастерских, которых тоже было несколько, шили незаменимую партизанскую обувь — постолы.

На полный ход работали партизанские «ателье» — швейные мастерские. Из трофейных плащ-палаток наши мастерицы шили гимнастерки, брюки, телогрейки, из парашютов — белье. Не забыли мы и самых юных граждан партизанского края — грудных младенцев обеспечили пелёнками из парашютов.

Таким образом, и партизаны и население были обеспечены всем необходимым для жизни и борьбы. С осени 1943 года мы отказались от получения продовольствия с Большой земли, самолеты доставляли нам только оружие и боеприпасы.

Принимая под свою защиту тысячи человек гражданского населения, командование соединения отлично понимало, какую огромную ответственность возлагает оно на плечи партизан. Но мы не могли поступить иначе, не могли позволить врагу глумиться над нашими, советскими людьми. В связи с созданием гражданских лагерей нам пришлось менять и нашу тактику борьбы с врагом, больше внимания уделять обороне.

Много раз наши партизанские отряды стояли на смерть, приковывая к себе многократно превосходящие силы противника и выполняя роль заслона на его пути к расположению гражданских лагерей. И все-таки гит-

леровцам нет-нет, да и удавалось прорваться в глубь леса.

Так было и в январе 1944 года, когда пришлось спешно эвакуировать первый и второй лагеря на другое место. Началось с того, что фашистские каратели при поддержке авиации и артиллерии атаковали седьмой отряд и вынудили его отойти в горы. Путь в направлении лагеря оказался открытым, и, чтобы спасти людей, надо было срочно эвакуировать гражданское население на новое место.

В путь вышли ночью. Дети, старики, раненые всю ночь шли пешком и только к утру достигли верховьев реки Пискуры. Как убитые падали люди на мерзлую землю, и нельзя было развести костры, чтобы обогреть хоть ребятишек. Утром со стороны Пиникера послышались взрывы — это гитлеровские «асы» бомбили лесные деревни, где еще недавно находилось несколько сот мирных жителей и располагался партизанский госпиталь. Позднее нам пришлось еще несколько раз переселять гражданские лагеря. И хоть нелегко давались людям переходы по горным кручам и лесным чащобам, но главная задача все же была выполнена: тысячи мирных граждан были спасены от массовых расстрелов, виселиц и концлагерей. За все шесть месяцев лесной жизни среди гражданского населения не было жертв. В лагере № 1, например, за это время появилось даже пополнение — было зарегистрировано четверо новорожденных.

* * *

Своими успехами в боевой деятельности партизаны Южного соединения во многом обязаны нашим партизанам-интендантам. Кроме службы тыла соединения, в которой было занято около двухсот человек, в каждом отряде имелся заместитель командира по тылу. Здесь тоже были свои отрядные склады, мельницы, мастерские, бани. Особенно хорошо было налажено тыловое хозяйство в отрядах Грузинова, Гордиенко, Гвоздеза.

Работники тыла хотя и не сражались с врагом с оружием в руках, но в каждом нашем боевом успехе была доля и их труда. Они обеспечивали бойцов питанием и одеждой, подвозили оружие и боеприпасы, заботились об их отдыхе и т. д.

Настоящими героями партизанского тыла стали мельник Андрей Свежинцев, сапожник Дмитрий Ястребцев,

Партизанская мельница,

мастер-колбасник Андрей Буряк, жители гражданских лагерей Ольга Дымченко, Моисей Матвиенко, Наталия Минайченко и многие другие. Не покладая рук скромные патриоты Родины своим самоотверженным трудом ковали победу над врагом.

О людях тыла можно рассказать многое. Это они приспособили для перевозки раненых и детей перекидные вьюки. Но при больших переходах вьючные веревки натирали животным спинами. Тогда умельцы наладили изготовление своеобразных седелок. Их отливали из алюминия, который не являлся дефицитом, так как повсюду нетрудно было найти сбитые самолеты. Они и являлись сырьем для нашего «седелочного производства». Отлитые из алюминия седелки обшивали кожей и тряпками, и они надежно служили партизанам.

В седьмом отряде оборудовали специальную землянку для копчения колбас. Уходя на дальние задания, бойцы в качестве сухого пайка брали с собой нашу самодельную колбасу.

В тылах пятого отряда содержалось около 200 овец, 35 коров, 40 лошадей. Этот скот требовал большого количества корма. Зимой, когда траву заносило снегом, работники тыла организовывали расчистку лесных полян, на которые выпускали пастись овец, коров и лошадей.

В первый период, как я уже сообщал, у нас не было ни госпиталя, ни медикаментов, не было возможности вернуть в строй раненного в бою товарища. Много замечательных людей погибло из-за этого.

Сейчас же у нас был развернут большой госпиталь, обеспеченный всем необходимым для помощи раненым. Здесь работали опытные специалисты. В госпитале одновременно могло находиться до 100 человек, нуждающихся в медицинской помощи.

Госпиталь был похож на настоящий больничный городок. Раненые и больные располагались в палатах. Палатки мы устраивали из парашютов. Верх парашюта привязывали к дереву, низ разводили, прикрепляли и прижимали камнями. Под белым шелковым куполом получалось большое круглое помещение, что-то вроде юрты, где помещалось до 10 коек. Кстати сказать, мой штаб, я и другие командиры жили в таких палатках-парашютах. Зимой в середине палатки-парашюта ставили чугунные печки.

Когда госпиталь оказывался вблизи районов боевых действий и ему угрожала опасность, мы его быстро сворачивали и перевозили в другое, более безопасное

Командир 10-го отряда Иван Крапивный у входа в партизанскую землянку.

место. Для этой цели госпиталю выделялось 20 — 30 подвод.

Комиссар соединения, комиссар тыла, комиссары отрядов, политруки вели большую политическую работу среди мирного населения и в боевых группах. Мы регулярно слушали радио, принимали и размножали сводки Совинформбюро. В гражданских лагерях и отрядах ежедневно проводились политинформации. Население и партизаны были в курсе всех событий, страстно ждали прихода Красной Армии. Поэтому вражеская пропаганда не имела среди жителей леса никакого успеха. В гражданских лагерях мы старались соблюдать все советские законы и порядки. Так, например, отмечались революционные праздники, велась регистрация рождений и т. д. К этому времени весь горный Крым представлял собой партизанский край, где была восстановлена Советская власть.

В результате продуманной организации тыла мы сохранили все мирное население, которое сразу же после освобождения Крыма взялось за восстановление народного хозяйства.

«ПОРЯДОК НА ТРАНСПОРТЕ»

После того как Георгий Грузинов принял отряд, прошло совсем немного времени. Но как он изменился за эти дни! Куда девались его бесшабашная удаль и лихачество! Раньше он бросался в схватку с врагами очертя голову. Зачастую, идя со своей (в большинстве случаев малочисленной) группой в бой, он не представлял, как сложится обстановка через десять минут. Если его спрашивали, как он намерен действовать, следовал один ответ:

— А там посмотрим, что к чему.

Теперь, когда за ним было более 200 партизан, воевать на авось он не решался. Отряд занимал самостоятельный район, и за все действия в этих местах командир нес полную ответственность.

Каждую операцию теперь Грузинов продумывал заранее во всех подробностях. И надо сказать, что планировал боевые действия своего отряда он очень умело.

Как уже сообщалось раньше, третий отряд, которым командовал Грузинов, был создан в основном из жителей деревни Новый, или, как ее чаще называли, Русский